

ПРИРОДА И ФУНКЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье раскрывается природа и генезис субъектов рыночной экономики как результат процессов персонификации и обезличивания экономических отношений, анализируются особенности структуры и функций субъектов российской экономики. Выдвигается гипотеза о необходимости двухвекторного развития рыночной экономики в России как процессов одновременного формирования индивидуальной экономической свободы и организационных структур, представляющих интересы интегрированных индивидов.

Традиционно экономическую систему характеризуют по уровням хозяйственной деятельности, секторам и отраслям. При этом данные структурные подразделения выступают самостоятельными силами, приводящими в действие экономические процессы. Однако, настоящими «действующими лицами» этих процессов являются все же индивиды и их группы, «вычленив» которых из экономической материи не так-то просто.

Какими бы ясными и прослеживаемыми ни казались на первый взгляд интересы и потребности различных участников хозяйственной деятельности, теоретически они (интересы и потребности) остаются не «схваченными», а значит практически не управляемыми. В результате мы имеем якобы стихийно сложившиеся формы хозяйственной деятельности, при которых распределение и использование ресурсов и доходов, результатов производства и пучков прав собственности, возможность принимать управленческие решения и оказывать давление на государство и властные структуры и т. д. – сосредоточены на одном общественном полюсе, а терпеливое ожидание «лучших» времен и экономическая (да и хозяйственная!) пассивность – на другом.

Возникает вопрос: далеко ли мы сможем продвинуться с такой расстановкой социальных сил и экономических субъектов. Теоретическая непознаваемость экономических интересов (а также невозможность анализа хозяйственных потоков: товарных, денежных, финансовых, капитальных, инвестиционных, ресурсных, в которых эти интересы пространственно материализованы) основных участников хозяйственной, производственной (в широком, воспроизводственном аспекте) деятельности обусловлена тем, что эти интересы неотделимы от своих носителей, т. е. от соответствующих экономических субъектов. Здесь и кроются проблемы не только управляемости экономическими процессами, но и направляемости общественного развития.

Для экономической теории проще, в частности, оказалось «обуздать» рыночную стихию в ка-

тегориях спроса и предложения, рыночного равновесия и эффекта замещения и пр., чем объяснить, почему человек действует так или иначе при данных условиях. Ссылки на потребности и интересы недостаточны, так как требуют объяснения происхождения именно *таких интересов и потребностей*. И вообще возникает вопрос: а не создают ли сами индивиды условия своей хозяйственной деятельности и исторического развития? И не в этом ли их интерес?¹

В свое время на эти вопросы пытались ответить еще классики политической экономии. В большей степени здесь преуспел Маркс, которому удалось показать, что при определенных исторических условиях, называемых буржуазным общественно-экономическим строем, индивид получает свободу выбирать, создавать, менять и изменять условия своей жизнедеятельности, и не только хозяйственной. Но здесь, по крайней мере, два «но». Во-первых, такая свобода достается не всем индивидам. Ведь разделение деятельности, социально-классовая дифференциация, овещнение, деперсонификация, институционализация отношений между людьми не позволяют каждому присвоить эту свободу. Во-вторых, для большинства из них свобода оказалась ограниченной лишь сферой потребления, что, впрочем, вытекает из первого «но».

Россия, как известно, не завершила даже классической стадии буржуазного способа производства, а в чем-то даже не сформировала и его предпосылок (не преодолела стадию личной зависимости, характерную для добуржуазных социумов – архаичного, античного и средневекового), хотя в технико-технологическом отношении соответствующую базу для капитализма построила. Но других необходимых для него условий, предпосылок, форм, отношений не создала, и сейчас вынуждена

1. Несмотря на очевидность положительного ответа, мы сами в это мало верим, так как до сих пор уповаем на другие силы или силы других: будь то рынок, «новая элита», правительство, президент, МВФ или... вступление в ВТО.

приступить к их созданию в очередной раз. Здесь и возникает вопрос о том, кто их будет создавать. Социально-экономические системы отличаются друг от друга по многим параметрам и характеристикам, но главный среди них – как индивиды видят и понимают устройство мироздания, включающего природу и культуру, и как они в соответствии со своими представлениями (мировоззрением, мироотношением) выстраивают свои отношения с первой и создают вторую ипостась человеческого бытия. При такой постановке вопроса выясняется, что история и современная практика человеческого общества знают не так уж много типов социально-хозяйственных систем, которые к тому же можно проследить и в историческом развитии. Речь идет об известных стадиях или ступенях такого развития: архаичном, античном (азиатском, восточнославянском – как вариантах), средневековом феодальном и буржуазном социумах.² Что касается буржуазного социума, то для него характерно преобладание таких отношений индивидов, которые *все* превращают в ресурсы, предпосылки, условия и средства, т. е. в объект, призванный приносить пользу. Соответственно, мировоззрение человека в эту эпоху имеет ярко выраженную полезностную окраску.

Человек, будучи субъектом в каждом из этих типов социально-хозяйственной системы, в действительности *выступает* в этом качестве не непосредственно, т. е. не как создатель форм общественной производственной деятельности и своих отношений с природой и другими людьми, а скорее в более пассивном качестве носителя или «персонификатора» этих форм, отношений, процессов и явлений хозяйственной, экономической жизни. Вернее, сама способность и возможность быть субъектом как создателем своей истории, распределена в обществе неравномерно, асимметрично. От социально-экономического характера отношений в обществе и в хозяйственной сфере в частности, а также от уровня развития производительных сил каждого такого поколения индивидов зависит, кто является самостоятельным субъектом, принимающим решения в отношении ограниченных ре-

сурсов, к которым он имеет свободный доступ, причем как на микро-, так и на макроуровне хозяйственной деятельности, а кто – лишь носителем, персонификацией, *представителем* или *функцией* другого субъекта.

В обществах, основанных на разделении деятельности и труда (и разделенных на социальные группы, классы, слои, а в некоторых – на касты, сословия), производственные отношения либо *персонифицированы*, либо *обезличены*, анонимны. В первом случае индивиды в своей хозяйственно-экономической деятельности «играют» роли, исполняют функции, «представляют», *замещают*, являются *представителями* других субъектов экономики: домашних хозяйств, фирм, государства, фондов, ассоциаций, корпораций и пр. В случае обезличивания в экономике самостоятельно действуют некие анонимные, природоподобные силы и процессы и даже вещи: «невидимая рука», рыночная конкуренция, «спонтанный экономический порядок», а также товары, деньги, капиталы, цены и пр. Они замещают собой индивидов в сфере принятия экономических решений, приводя (якобы!) в движение и направляя хозяйственные потоки, а через них и интересы самих участников экономической жизни.

В контексте вышесказанного более конкретно может быть поставлен вопрос не только о «социальной базе реформ», но и о том, *кто осуществляет* преобразования, трансформацию социально-экономической системы и кто вкладывает в эти процессы свои интересы, делая их тем самым *обособленно присвоенными*, исключая для других доступ не только к ресурсам (в самом широком смысле: от средств производства, финансовых потоков до административных, властных и т. д.), но и к возможности самостоятельно строить свою жизнь и выбирать способ удовлетворения своих потребностей.

Эту проблему в нашей литературе поднимают преимущественно социологи и социальные психологи³, причем именно в первом варианте – через проблему поиска социальной базы реформ, т. е. тех социальных слоев общества, у которой трансфор-

2. Не упомянутый здесь «реальный социализм», называемый тоталитарным обществом, административно-командной или плановой экономикой, «мутантным социализмом» и т. д., в том варианте, в котором мы наблюдали и были участниками этого типа системы, скорее всего по существу был буржуазным социумом, но пока еще не капиталистической экономикой /См. по этой проблеме: Критический марксизм: продолжение дискуссий /Под ред. Бузгалина А.В., Колганова А.И. – М., 2001; Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на научной конференции. Т.1 / Под ред. А.В. Бузгалина. – М., 2001.

3. Реже ставится вопрос в русле проблематики экономической теории. Однако и в этих работах исходным является все-таки социологический подход (в узком смысле слова, а не в философском), т. е. сведение проблемы экономического субъекта либо к индивидуальной активности в социально-психологическом аспекте, либо к функционированию «неоклассических» субъектов: фирм, домашних хозяйств и государства. См., например, коллективную монографию: Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нурева. – М., 2001.

мационные процессы должны найти поддержку и одобрение. При этом под социальной базой реформ понимается слой людей, которые «психологически в большей степени, чем другие, готовы принять на себя ответственность за собственное положение и судьбу, предпринимательство и прорыв вперед, которые, тем самым, прокладывают дорогу другим», но «психологически» они везде явное меньшинство, не более 15% населения» [6, С. 29]. Даже житейские наблюдения показывают, что часто в повседневной жизни человек «перепрыгивает» через свой психологический тип. Что касается теоретической постановки вопроса, то следует вспомнить, что психологический подход в основном абстрагируется от исторического и социального опыта человека (за исключением некоторых школ, в которых психическое в человеке рассматривается во взаимосвязи с его предметной деятельностью как общественного человека) и его деятельной способности «осваивать-присваивать» те формы хозяйственной, экономической жизни, которые ему *интересны*, т. е. в которых он экономически заинтересован, а не только те, которые обусловлены собственно психологическим типом личности.

Что же касается наших, отечественных 15% активных (психологически), то они (в лице первых кооператоров), как правило, наиболее квалифицированные и хорошо образованные работники бывших государственных структур в производстве, науке, образовании, еще в самом начале реформ уже попробовали взять на себя ответственность и хозяйственно-экономическую инициативу. Но где они теперь? Их места как социально-экономически активных заняты уже другими, пришедшими позднее из партноменклатуры, теневого сектора советской экономики, криминала. У них оказалось больше административных, силовых и предпринимательских ресурсов, которые и обеспечили им исключительный доступ уже к хозяйственным ресурсам страны. Теперь они представляют не только наиболее богатую, но и активную часть общества. Так что и житейски, и теоретически *экономическое* в нашем поведении пока оказывается сильнее *психологического*, по крайней мере, для вышеобозначенной категории общества.

Но главным в иерархии субъектов выступает индивид, так как именно он, будучи субъектом предметной деятельности, способен видеть как свои собственные проблемы этого мира и брать на себя их решение. Поэтому все «разговоры» и рассуждения о взаимной ответственности (и контроле) всех ветвей власти, бизнес-элиты и других слоев общества отражают только ситуацию отсутствия

в российском социуме именно *индивидуальной* ответственности не то что за судьбу страны, а хотя бы за результаты хозяйственной деятельности. Коллективная ответственность (и в политике, и в экономике) может иметь место, если она исторически и логически вытекает из свободы и ответственности индивида, а она начинается с ответственности за издержки и выгоды. Началом же этой последней является экономический интерес, в основе которого лежат потребности.

Однако логика истории как истории человеческого развития такова, что непосредственно индивид (речь идет о большинстве) редко становится субъектом в вышеобозначенном смысле слова. В частности, это имело место на ранних этапах капитализма, когда именно индивидуальная свобода и ответственность создали как предпосылки, так и основы буржуазного социума. Для развития же капитализма в нашей стране всегда не хватало (да и сейчас не хватает) одной предпосылки – свободного индивида. По этому поводу все-таки следует сделать одну оговорку: свобода буржуа – это свобода быть субъектом в границах полезностного отношения к миру, вмененных издержек, упущенной выгоды. Но и такая свобода оказывается необходимым звеном в истории человека, в его собственном становлении, его движении к самому себе. Другое дело, как он этой свободой распорядился и распоряжается.

К строительству капитализма в России мы приступаем уже не впервые. Несмотря на то, что часть буржуазных задач была уже решена во времена «реального социализма», соответствующего субъекта мы еще не имеем. А что же сегодняшние капиталисты и наемные работники? Смогут ли они выполнить свои функции в качестве субъектов формирующейся экономической системы, т. е. обеспечить ее предпосылки и основы, а также превратить и постоянно превращать эти предпосылки в результат ее функционирования?

Те, кто нынче олицетворяет наш российский капитализм – так называемые олигархи, организованные в кланово-корпоративные группы, *не могут* создать ни предпосылок (лично свободный индивид), ни основ капиталистического производства. Основы эти представляют собой бесконечное множество «добровольных обменов», многочисленных актов купли-продажи, то есть собственно рынок со всеми его атрибутами: свободно формирующимися ценами, спросом, предложением, конкуренцией издержек производства и качества продукции и т. д. Причина тут в двух обстоятельствах.

Во-первых, сами корпорации как организационная форма капитала, как его институт и функ-

ция являются формой, адекватной классическому и позднему капитализму (а не нашему раннему). Во-вторых, наш корпоративный капитал, скорее, псевдокапиталистический, искаженный, так как вырос из неадекватных ему оснований и предпосылок и продолжает на этих основаниях пребывать. Речь идет о внеэкономических отношениях крепостнического, полукрепостнического, а где-то и рабовладельческого типа, причем не только в отношениях труда и капитала. Здесь имеются в виду всяческие формы внеэкономической, добуржуазной зависимости: патернализм в отношениях разных бизнес-структур и групп, в отношениях бизнеса с государством, с криминалом, клановость и семейственность в деловых отношениях и в политике, круговая порука [4].

Кроме этого, показателем *псевдокапиталистичности* поведения экономических субъектов в нашей экономике может служить и построение бизнеса скорее «на качестве отношений» с партнерами, клиентами, поставщиками и потребителями, нежели на качестве продукта, издержках и ценах. Возникают и распространяются «дэббберские договоры», аффилированные и «дружественные» компании, участники рынка делятся на «своих» и «чужих».

Таким образом, вопрос о способности олицетворять капиталистические производственные отношения, а не только отношения в сфере трансакций (в том числе и международных) представителями нашего корпоративного сектора остается открытым. Будучи главами компаний, холдингов, концернов, АО и ООО, членами советов директоров, они все-таки выступают как *функционеры от институтов*, являются их представителями и поэтому не могут нести индивидуальную экономическую ответственность за результаты хозяйственной, предпринимательской деятельности. Ведь менеджерам даже самого высшего звена в соответствии с их положением в структуре акционерной собственности компании (финансово-промышленной или кланово-корпоративной группы) присуще оппортунистическое поведение, снять которое не всегда может даже участие в прибыли. К тому же отсутствие биржевого контроля за их поведением в условиях российского рынка ценных бумаг только усугубляет проблему.

Тем не менее, как показали исследования [1, 2, 7], за годы реформирования все-таки сложились

и некоторые положительные тенденции в развитии отечественного капиталистического субъекта. Так, заявила о себе группа «доминирующих собственников», которая обеспечивала лучшие показатели как текущего использования ресурсов, так и инвестиционной активности. В составе этой группы – менеджеры компаний, в основном пока мелких или средних, владеющие значительным пакетом акций (их доля, в период интенсивной приватизации оказавшаяся около 15%, продолжает расти за счет перераспределения и изменения структуры акционерного капитала)⁴.

В какой мере, с другой стороны, они могут выступать как социальная группа и как соответствующий *коллективный субъект*? Для этого необходим (хотя бы номинальный) общий экономический интерес – интерес социальной группы, класса. Такой интерес возникает в том случае, когда предпосылки и основы системы уже не только сложились, но и воспроизводятся, т. е. имеет место консолидация и интеграция интересов индивидов, являющихся *носителями* определенных отношений и *представителями* (а по большому счету и организаторами, создателями) соответствующих экономических форм для закрепления этих форм и отношений уже в качестве результатов функционирования системы.

Но асимметричное распределение ресурсов и результатов деятельности между людьми обычно приводит к тому, что индивиды, олицетворяющие одни и те же отношения и формы хозяйственной деятельности, раскалываются на группы с противоположными интересами – классы, функциями которых являются, во-первых, консолидация интересов и сотрудничество для их реализации, во-вторых, создание в обществе центров соперничества, конкуренции для стимулирования развития и прогресса. Но судя по беспощадной порой конкурентной борьбе, именно внутри этой, пока еще гипотетической социальной группы⁵, что олицетворяет наш отечественный капитал, еще нет общих интересов в накоплении, расширенном воспроизводстве, реструктуризации своего бизнеса в направлении новых технологий, т. е. в укреплении капитализма.

Так что в отечественных хозяйственных процессах воплощаются пока интересы не социальных групп, классов или институтов и других организационных структур, *интегрирующих* индивидов в

4. Однако в перспективе, как полагают исследователи, он будет заменен в статусе эффективного собственника на так называемого «стратегического инвестора» в лице «финансовых» аутсайдеров.

5. Эта борьба носит межличностный, индивидуальный характер, в отличие, скажем, от подобных столкновений в странах развитого капитализма: там противостоят друг другу скорее обезличенные фигуры, олицетворяющие собой разные бизнесы, нежели особенные личности, персоны, как у нас.

соответствии с их способом участия в производственных отношениях, а интересы отдельных *персон*. Это находит выражение в степени *влияния* лиц, возглавляющих кланово-корпоративные группы, на принятие решений в политике и макроэкономике.

Для нашей экономики характерна «тенденция уменьшения размеров основных экономических агентов» от «экономики государства» до «экономики физических лиц» [3]. В результате вместо необходимого для господства рыночных отношений обезличивания мы получаем обратную тенденцию – персонафикацию, которая может свидетельствовать о некоторых процессах системного характера.

Во-первых, эта тенденция может быть связана с изменениями в технико-технологических укладах трансформационной экономики, а именно с деиндустриализацией, т. е. утратой индустриального ядра в ряде отраслей (машиностроении, пищевой и легкой промышленности, сельском хозяйстве) и разрушением зачатков постиндустриального уклада. Это и выражается в разукрупнении производства и хозяйственных единиц. Как известно, исторически именно прединдустриальному производству соответствовали индивидуально-частный капитал и адекватный ему тип капиталистического предприятия в виде простой кооперации и мануфактуры. Видимо, вопреки логике прогресса, история в нашей стране все-таки поворачивает вспять.

Во-вторых, если речь идет о разукрупнении «экономических агентов» в тех сферах и отраслях, которые претендуют на постиндустриальный статус и где с самого начала использовали новейшие технологии, соответствующие ресурсы и производили информационный продукт⁶, то это может свидетельствовать об одной из общецивилизационных тенденций «ренессанса мелкой частной собственности»⁷. Интеллектуальный капитал, как правило, носит персонально-индивидуализированный характер, хотя и может быть произведен в коллективном сотворчестве. Кстати, именно эта тенденция персонализации если не всего бизнеса, то ответственности за его отдельные участки, характер-

на и для западных экономик, что нашло в свое время отражение в теориях «революции управляющих», «техноструктуры» и др.

В-третьих, это может свидетельствовать о восстанавливаемом развитии как модели, характерной для российского социума. Индивидуально-частное хозяйство⁸ не было до конца реализовано в истории российской экономики, как этого требовали производительные силы. Не сформировались в свое время ни хозяйственная самостоятельность индивида как массовое явление, ни индивидуальная ответственность за ее результаты, ни принятие экономических решений *каждым* хотя бы в пределах своей хозяйственно-производственной или «трудоустрой» единицы (рабочего места в условиях «реального социализма»)⁹.

Таким образом, российский социум не прошел этап индивидуального предпринимательства как необходимую ступень в развитии рыночно-капиталистической системы и личной свободы индивида. Но логика капиталистических отношений берет свое: непройденные ступени и неосвоенные формы требуют восстановления и освоения другими поколениями, но происходит это уже в искаженном виде.

В отечественной экономике индивидуально-частное предпринимательство (малый бизнес) занимает незначительное место в макроэкономических показателях и не является постоянно воспроизводящейся основой нашего капитализма. Более того, малый бизнес все больше уходит в «тень», в неучитываемую и не облагаемую налогами сферу экономики, в сферу *индивидуально-трудоустрой деятельности*. Впрочем, и это может служить доказательством восстановления у нас стадии «простого товарного производства».

Если мы взяли в качестве курса наших преобразований движение к капиталистической экономической системе¹⁰, то нам неизбежно придется пройти стадию «вещной зависимости» как специфической формы отношений между людьми, при которой индивиды лично свободны (т. е. свобод-

6. Это отрасли с высокой долей интеллектуального капитала. Здесь речь может идти об «остатках» оборонно-космического комплекса либо о секторе транзакционных услуг: консалтинг, аудит, PR-бизнес.

7. Другой тенденцией в этом отношении является социализация собственности (См. по этой проблеме: Альтернативы модернизации российской экономики / Под ред. А. Булганина, А. Колганова, П. Шульце. – М., 1997).

8. В отношении частной, в смысле обособленной, собственности следует иметь в виду, что она является лишь исторически необходимой и одной из форм развития производственных отношений и производительных сил, а отнюдь не всеобщей и единственно эффективной формой хозяйствования. У нас же в российском общественном сознании ее либо вообще отрицают, либо превозносят как единственную эффективную форму.

9. Нам не была освоена и «форма работающего собственника» или «форма работника как собственника» (См. по этой проблеме: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 489).

10. Рыночная экономика не является самостоятельной социально-экономической системой, она может служить основой (или всеобщей основой) буржуазно-капиталистического способа производства; точно так же не может быть самостоятельной социально-экономической системой плановая экономика. Плановым или рыночным может быть только способ распределения ресурсов, способ координации действий экономических субъектов, способ их включения в общественное производство.

ны от личной зависимости: отношений патернализма, клиентелы, полукрепостнической, крепостнической зависимости, свободны ото всех внеэкономических отношений, связей, форм хозяйственной деятельности, построенных на такого рода отношениях между людьми), но вынуждены для удовлетворения своих насущных потребностей подчиняться владельцам процесса производства. Это означает переход не просто к принципу *полезности*¹¹, а к принципу *обезличенности отношений*, который выражается в стоимости – этом сгустке абстрактного, обезличенного (но полезного!) труда. И уже на основе обезличенности, которая означает укрепление «товарности», «денежности» наших отношений, происходит вытеснение индивида из сферы его субъектности и передача его функций хозяйствующего субъекта тем самым стихийным рыночным силам, о которых мы так много говорим в последнее время.

Один из парадоксов рыночно-капиталистической хозяйственной системы заключается как раз в том, что именно «овещнением» индивида и его отношений с другими индивидами сопровождается появление индивидуальной свободы и ответственности, правда, пока только, как уже отмечалось, в рамках принципа возмездности, эквивалентности, выгоды. Именно на этих принципах в отношениях индивидов становится возможным возникновение капитала и мощных производительных сил, позволяющих впервые в истории человечества ставить и решать не только проблемы накопления, расширенного воспроизводства, экономического роста и эффективности, но и общественного благосостояния (хотя и в пределах только массового потребления).

Капитал как внешне «симметричное» отношение, основанное на «добровольном», юридически равноправном обмене, и капитал, покоящийся на полуфеодалных отношениях и личной зависимости (невыплаты и задержки заработной платы, установление оплаты труда на уровне ниже стоимости рабочей силы, оплата натурой, манипуляции со сверхурочными, прием на работу без оформления договора и т. д.), – эти капиталы суть разные

экономические системы, но в рамках одного – буржуазного социума (у нас – недостроенного). Они представляют собой также разные системы отчуждения индивидов и разные модели экономического субъекта.

В первом случае имеют место отношения хотя и отчужденно-овещненные, но при соблюдении прав и обязанностей обеих сторон (участников). При этом участники не являются субъектами в полном смысле слова, так как оба – представители вещных (отчужденных от индивида) структур – капитала и труда. Но они создают материальные и идеальные предпосылки для собственной экономической активности как способности делать выбор в условиях ограниченных ресурсов (оптимально хозяйствовать) и одновременно – для неотчужденной деятельности и неограниченного развития способностей каждого.

Во втором случае, незрелость, неразвитость товарно-капиталистически-буржуазных отношений для индивида означает, что он находится в ситуации «между»: не преодолев личной зависимости, он не способен освоить и преодолеть вещную зависимость, так как не может решить проблему материального выживания и роста своих потребностей, не говоря уже о росте благосостояния и качества жизни.

В России за годы «реформ» происходило постоянное снижение уровня и качества потребления, что равносильно утрате основного стимула хозяйственной деятельности. Следует подчеркнуть, что в этой ситуации не только ни о каком капитализме, но даже и о рынке не может идти речи, так как в обществе отсутствует массовый покупатель – потребитель всего того, что должен производить капитал или «поставлять рынок».

Впрочем, макроэкономическая зависимость динамики производства от платежеспособного спроса, остающаяся характерной для буржуазной системы, не может быть нами использована из-за ресурсных ограничений¹². Здесь все попытки обратить внимание на так называемый «средний класс»¹³ не решают проблему воссоздания платежеспособного спроса и возрождения производства.

11. Эту мировоззренческую установку мы уже освоили, начав еще с модернизации времен никоновского раскола в XVI в., и пронесли через все наши прежние буржуазные и псевдобуржуазные преобразования в течение более трех столетий, так и не сделав ее принципом хозяйствования.

12. Как отмечает А. Белоусов: «Сценарий «потребительски ориентированного роста»... представляет собой ложную (подчеркнуто мной. – С.Б.) альтернативу инерционному развитию» // А. Белоусов. Экономика России: стратегические угрозы и альтернативы развития // Экономические стратегии. 2000. №2. С. 54. Но в то же время, он предупреждает, что: «Структурные проблемы экономики (деиндустриализация, снижение технологического уровня большинства производств. – С.Б.) не могут быть решены за счет снижения уровня жизни – это не только социально опасно, но и бесперспективно» // Там же.

13. Эта социальная группа составляет примерно от 10-15 до 20% населения, которая у нас – «выше среднего»: душевой доход на семью в месяц здесь составляет 200-300 долл., при действительно среднем по стране – около 70 долл. // Эксперт. 2002. №17.

И это несмотря на то, что пока именно эта группа населения демонстрирует рыночно-капиталистическую последовательность смены потребительских стандартов: от продуктов питания и одежды, сложной бытовой техники и улучшенного жилья – к инвестициям. В той ситуации, в которой мы оказались, нам нужен такой экономический субъект, как *массовый потребитель* или «домашние хозяйства», в категориях неоклассической экономической теории.

У нас домашнее хозяйство не может пока выполнять *функции* экономического субъекта во всей их полноте и, тем самым, оказывать влияние на экономику страны. В нынешней ситуации оно больше включено в *неформальную экономику* [5], выступая скорее не рыночным субъектом, а семейной «экономикой» полунатурального типа, основной целью которой является выживание. Но, с другой стороны, *домашнее хозяйство как потребитель* – это, возможно, на сегодняшний день самый «рыночный» субъект. Именно в его поведении в первую очередь произошли изменения (демонстрация рационального потребительского поведения в условиях «шоковой терапии», дефолта, а также попытка защитить свои права через суды), да и бизнес меняет свое поведение не столько под влиянием конкуренции между производителями, сколько под влиянием давления со стороны потребителей.

Анализ роли и функций основных субъектов российского хозяйства приводит к выводу, что проблемы и трудности, испытываемые нашей экономикой, носят субъективный характер. В структуре российских экономических субъектов мы обнаруживаем все их основные типы, характерные для любой капиталистически-рыночной экономики: индивиды, социальные группы (классы) и инсти-

туты, с одной стороны, и домашние хозяйства, фирмы и государство – с другой. Но наши субъекты хозяйственной деятельности лишены, в основной массе, *экономических интересов*, адекватных складывающемуся вектору развития.

Для социально-экономической системы, формирующейся у нас в настоящее время, характерны противоречия между добуржуазными и буржуазными отношениями и формами, а внутри последних – между ранним и поздним капитализмом. Стороны этих противоречий *олицетворяются*, с одной стороны, *одними и теми же субъектами*, но с другой – разными их «состояниями», в которых эти же субъекты выполняют разные функции.

Исходя из такой *структуры производственных отношений и структуры экономических субъектов*, перед обществом, государством и индивидами стоит, по меньшей мере, *двуединая задача*. С одной стороны, необходимо обеспечить позитивные структурные сдвиги, инвестиционную активность в промышленности, экономический рост, что под силу только капиталистическим формам хозяйствования и классу крупных капиталистов. С другой стороны, для того, чтобы это выполнить, нужна повседневность рыночных отношений, конкурентная среда, в которой индивид в лице *мелкого производителя* (или *малого предприятия*), торговца, потребителя мог соперничать с равным себе, проявлять и формировать свою индивидуальную экономическую свободу. Должно быть два сектора, два «анклава» в экономике, в которых «игра» бы происходила по *разным* правилам.

Возможность и взаимодействие двух этих «анклавов» – проблема, требующая всестороннего и глубокого анализа представителей всех общественных наук.

Список использованной литературы:

1. Аукуционек С., Жуков В., Капелюшников Р. Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение предприятий // Вопросы экономики. 1998. №12.
2. Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности // Вопросы экономики. 2000. №1.
3. Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. №4.
4. Колганов А.И. К вопросу о власти кланово-корпоративных групп в России. // Вопросы экономики. 2000. №6.
5. Неформальная экономика. Россия и мир /Под ред. Т. Шанина. – М., 1999.
6. Пригожин А.И. Проблема субъекта – в центре приватизации // Социологические исследования. 1992. №6.
7. Радыгин А. Перераспределение прав собственности в постприватизационной России // Вопросы экономики. 1999. №6.